

На правах рукописи

ДЖУКАЕВА МАРХА АЮБОВНА

**МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
СПИРАНТОВ
(на материале чеченского, русского и немецкого языков)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2010

Диссертация выполнена на кафедре общего и сравнительного
языкознания ГОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук,
профессор
Михалёв Андрей Борисович
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор
Грейдина Надежда Леонидовна
- доктор филологических наук,
профессор
Навразова Хава Бакуевна
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Московский
государственный
лингвистический университет им.
М. Тореза»

Защита состоится 17 января 2010 г. в 12.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.193.02 в ГОУ ВПО «Пятигорский
государственный лингвистический университет» по адресу: 357532,
г. Пятигорск, проспект Калинина, 9

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пятигорский
государственный лингвистический университет.

Автореферат разослан 13 декабря 2010 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Л.М. Хачересова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

История языкознания с древнейших времен до наших дней переживала всплески интереса к проблеме взаимоотношений речевого звука и значения. Первые суждения о тесной связи этих разнородных явлений носили аксиоматичный характер. Однако по мере накопления знаний эта аксиома нуждалась во всё более тщательной проверке. Уже Платон, стремясь аргументировать неслучайность звукового состава первых наименований, приводит небольшие серии лексических примеров, подтверждающих, по его мнению, идею изначальной мотивированности слова. Стоики продолжили мысль Платона, внося со своей стороны собственные этимологические предположения. В Средние века интерес к проблеме мотивированности сменился логико-грамматическими изысканиями, продолжающими традицию, заданную Аристотелем, для которого этот вопрос был не существенным. Новая волна исследований в области звуко-смысловой мотивированности поднимается в эпоху позднего Возрождения и продолжается в XIX веке. Среди наиболее видных сторонников теории «фюсей» (мотивированной связи между звуком и значением) – Г.В. Лейбниц, Дж. Уоллис, Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня и др. В начале XX века со сменой научной парадигмы в сторону структурализма с его главным постулатом о произвольности языкового знака (Ф. де Соссюр) вопрос о связи звука и значения был отнесен к маргинальной зоне языка. Тем не менее, с появлением психолингвистики уже в 30-х годах XX века эта проблема переживает новое развитие, получив название «звуко-символизм». Наибольший интерес в психолингвистической сфере исследований проявился в основном в американской лингвистике. В отечественном языкознании возвращение к проблематике связано с именами А.М. Газова-Гинзберга, В.В. Левицкого, А.П. Журавлёва, С.В. Воронина (60-80-е годы). С тех пор фоносемантика (термин, введенный С.В.Ворониным) прочно обосновалась как отрасль языкознания во всем мире, несмотря на то, что не признается модной и продвигается стараниями немногочисленных энтузиастов. Факт связи речевого звука со значением уже не вызывает сомнений, однако не до конца решены вопросы соотношения субъективного и объективного звуко-символизма, универсального и индивидуального в фоносемантике языков мира, жизнеспособности звукоизобразительности в истории языков и др. Поэтому настоящая работа, продолжающая исследовательские традиции фоносемантики и анализирующая сравнительные звукоизобразительные признаки трех языков, определенно является

актуальной.

Объектом исследования являются фоносемантические свойства спирантов (фрикативных, или щелевых звуков) в чеченском, русском и немецком языках.

Предметом исследования избрана лексика указанных языков с начальными спирантами. Согласно принятой *гипотезе*, слова, объединенные общим формальным компонентом – начальным согласным звуком, образуют определенные семантические поля. В свою очередь, общий артикуляционный тип звуков должен проявлять определенные семантические закономерности, реализуемые лексикой. Поэтому **целью** исследования стало выяснение общих и индивидуальных черт, проявляющихся в семантических системах чеченского, русского и немецкого языков, образованных лексикой с начальными спирантами. Поставленная цель обусловила выполнение следующих **задач**:

1. Выборка слов с начальными спирантами в чеченском, русском и немецком языках.

2. Анализ семантических систем, образуемых значениями слов с каждым звуком, относящимся к классу спирантов, в начальной позиции для каждого языка.

3. Определение ядра, составленного звукоизобразительными значениями, и периферийных зон, предположительно развившихся из ядерных.

4. Обоснование звукоизобразительного характера ядерных значений через артикуляционные символические возможности спирантов.

5. Обоснование связей и переходов внутри полученных семантических систем (как на уровне отдельных значений, так и на уровне микро- и макрополей).

6. Выяснение процентного соотношения между объемами полученных микро- и макрополей.

7. Выявление общих семантических свойств и тенденций, характерных для всех звуков класса спирантов, в каждом из исследуемых языков.

8. Выявление общих закономерностей и индивидуальных особенностей фоносемантики спирантов между чеченским, русским и немецким языками.

Новизна работы определяется как самим предметом исследования, так и полученными результатами. Впервые изучены и обоснованы фоносемантические свойства спирантов на материале языков, относящихся к разным ветвям одной семьи (русский vs.

немецкой) и к различным языковым семьям (чеченский vs. русский и немецкий), что позволяет заключить о предположительно универсальных звукоизобразительных тенденциях этого артикуляционного типа звуков, а также об индивидуальных траекториях развития лексико-семантических систем с начальным щелевым согласным в каждом из трех языков.

Материалом исследования послужила выборка базовых (непроизводных) лексем с начальными спирантами (613 ЛЕ в чеченском, 506 ЛЕ в русском, 847 ЛЕ в немецком) из наиболее представительных словарей: Чеченско-русский словарь (сост. И.Ю.Алироев) – М.: Academia, 2005; Словарь русского языка (в 4-х томах) – М.: Русский язык, 1981-1984; Большой немецко-русский словарь (под ред. О.И. Москальской) в трех томах. – М.: Русский язык, 1998; Duden Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag, Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1996.

В ходе исследования применялись следующие **методы**:

- 1) сравнительно-сопоставительный метод;
- 2) компонентный анализ;
- 3) метод лексико-семантического конструирования;
- 4) фоносемантический анализ, заключающийся в установлении корреляций между артикуляционными характеристиками звуков и лексической семантикой;
- 5) количественный анализ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Лексика, сгруппированная по формальному принципу общего начального согласного, образует определенную семантическую систему. Семантическая система (пространство) представляет собой совокупность взаимосвязанных микро- и макрополей с ядерной и периферийной зонами. К ядерной зоне относятся звукоизобразительные (звукоподражательные и звукосимволические) значения, т.е. наиболее тесно связанные с артикуляционно-символическими возможностями начального звука. Периферийная зона рассматривается как следствие семантического развития ядерных звукоизобразительных значений.

2. Лексика с начальными спирантами проявляет очевидные общие тенденции в семантических системах чеченского, русского и немецкого языков: среди зафиксированных семантических полей наибольшим удельным весом обладают поля **СЖИМАТЬ** и **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ**.

3. Рассматриваемые языки демонстрируют определенное

сходство в направлениях семантических переходов от ядра к периферии: поле **ОКРУГЛОЕ** обычно предполагает существование поля **СЖИМАТЬ**; во всех трех языках ядерное поле **СЖИМАТЬ** сопровождается макросемами **ВМЕСТИЛИЩЕ**, **ПОКРЫВАТЬ**, **ОКРУЖАТЬ**, **СОЕДИНЯТЬ**; поле **ТЯНУТЬ** в большинстве случаев соседствует с полем **РЕЗАТЬ/БИТЬ**; чаще всего семантическое поле **РЕЗАТЬ/БИТЬ** сопровождается наличием микрополей **ТОНКОЕ/ДЛИННОЕ**, **ЛИНИЯ/ЧЕРТА**, **ВРЕДИТЬ/ПОРТИТЬ**, **ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА**.

4. Наряду с универсальными для трех языков закономерностями наблюдаются и алломорфные особенности, проявляющиеся в количественном и качественном структурировании семантических систем лексики с начальными спирантами: различный объем общих полей, наличие/отсутствие некоторых микрополей или семантических переходов.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в дальнейшем развитии фоносемантической традиции, в частности, теории фоносемантического поля (А.Б. Михалёв). Полученные результаты вновь подтверждают тезис о первичной генетической звукоизобразительности в номинации (С.В. Воронин) и о расширении лексико-семантической системы языков посредством семантических переходов (В.В. Левицкий, М.М. Маковский, А.Б. Михалёв). Определены звукоизобразительные свойства спирантов как обобщенного артикуляционно-символического типа звуков, их предположительно универсальные возможности смыслообразования и индивидуальные различия в сложившихся лексико-семантических системах чеченского, русского и немецкого языков. Отмечены направления семантических переходов от ядерных звукоизобразительных значений, согласующиеся с предложенными ранее семантическими законами и подтверждающие их реальность.

Практическая ценность работы. Теоретический обзор фоносемантической традиции и современного состояния фоносемантики может быть использован в лекциях и семинарах, посвященных этой дисциплине, на старших курсах филологических специальностей и в магистратуре. Раздел «Проблема семантических связей и переходов» может оказаться полезным в диахронических исследованиях языков, а также в лекционных курсах «Общего языкознания», «Лексикологии» и психолингвистических экспериментах, изучающих когнитивные структуры сознания. Исследовательские результаты и методика могут получить развитие в новых работах,

обращенных к другим типам звуков (лабиальным, дентальным, сонорным и т.д.). Возможна перспектива создания целостной фоносемантической системы чеченского и русского языков при условии дополнения уже изученного фрагмента остальными звукотипами. Представляется, что выведенные универсальные закономерности звукоизобразительного и смыслообразовательного аспектов можно попытаться применить в процессе обучения иностранным языкам.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены и обсуждены на конференциях «Новые идеи в лингвистике XXI века» (2009) и «Университетские чтения-2010» в Пятигорском государственном лингвистическом университете и отражены в 5-ти публикациях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Приложения и Списка библиографических источников.

Во **Введении** излагаются актуальность, новизна, цели, задачи и методы исследования, теоретические положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Теоретические основания исследования» содержит два раздела. Первый раздел посвящен краткому обзору фоносемантической традиции от древности до XIX века и более детальному описанию новейшего периода (XX-XXI в.) фоносемантики. Во втором разделе рассматривается проблема семантических связей и переходов, изучаемая с различных позиций: в свете полисемии, этимологии, фоносемантики, социопрагматики, статистики. Первая глава резюмируется выводами.

Вторая глава «Семантические системы лексики с начальными спирантами в чеченском, русском и немецком языках» содержит, соответственно, три раздела, представляющих материал каждого из этих трех языков. Разделы состоят из параграфов, в которых дается фоносемантический анализ корпусов лексики с каждым из имеющихся в языке спирантов. Параграфы завершаются иллюстративными блок-схемами семантических пространств лексики с тем или иным спирантом. В конце каждого из трех разделов приводятся выводы, касающиеся рейтинга проявившихся полей, рейтинга отдельных спирантов в производительности наиболее приоритетных полей, а также указываются отрицательные корреляции отдельных спирантов с полученными полями. Глава заканчивается общим межъязыковым итогом относительно смыслообразующих свойств спирантов, универсальных тенденций в структурировании семантических систем

и алломорфных черт, проявляющихся в каждом из трех языков.

В **Заключении** приводятся общетеоретические следствия, возможные при использовании предпринятой в работе методики исследования.

В Приложении помещены таблицы статистических данных по трем языкам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава диссертации «**Теоретические основания исследования**» состоит из двух разделов: **1. Обзор фоносемантической традиции**; **2. Проблема семантических связей и переходов.**

В первом разделе дается краткий обзор истории фоносемантики от древности до XIX века и более подробный анализ современного периода. Наиболее яркими приверженцами идеи о тесной связи звука и значения выступают Платон, Г.В.Лейбниц, В. фон Гумбольдт, Г. фон Габеленц, В.Вундт. Их труды положили начало новой отрасли языкознания – фоносемантике, обоснованной и сформулированной С.В.Ворониным только в конце XX века (Воронин 1982). Начало же XX века характеризуется в целом ослаблением интереса к проявлениям звукосемантики: на передний план вышло направление структурализма, одним из главных постулатов которого был принцип произвольности языкового знака. Тем более замечательно, что основоположник американской ветви структурализма – Леонард Блумфилд все же не обошел вниманием фоносемантическую проблематику и считал, что изучать соответствия между определенными звуками и определенными значениями – главная задача лингвиста.

С 20-30-х годов XX века начинается эра психолингвистики, и одни из первых экспериментов были проведены именно в фоносемантической области. Вопреки сложившемуся мнению, основоположником экспериментальных исследований звукосемантики считается не Эдвард Сэпир с его знаменитым вопросом: «что больше: *mil* или *mal*?» (Sapir 1929), а Д.Узнадзе с его статьей «Экспериментальный вклад в проблему психологических оснований именования» (Uznadze 1924). Уже пятью годами позже появилась упомянутая статья Э.Сэпира и работа В.Кёлера «Гештальт-психология» (Köhler 1929) с хрестоматийным экспериментом на соответствие зрительных стимулов искусственным словам *malouma* и *takete*. За ними последовали эксперименты Цуру-Фрайса (Tsuru, Fries

1933), К. Фокса (Fox 1935), Г. Мюллера (Muller 1935), Дж. Олпорта (Allport 1935), Р. Брауна, А. Блэка, А. Хоровица (Brown, Black, Horowitz 1955), М.С. Майрона (Miron 1961), Тэйлоров (Taylor, Taylor 1962), М. Шастена (Chastaing 1964a), Дж. Вайса (Weiss 1964), С. Эртеля и Р. Дорста (Ertel, Dorst 1965), Д. Рейда (Reid 1967), С. Эртеля (Ertel 1969, 1972), Р. Натадзе (Natadze 1966), Ж.-М. Петерфалви (Peterfalvi 1970), Ш. Хатчинс (Hutchins 1998), О. Абелин (Abelin 1999) и других. В нашей стране первые психолингвистические исследования были проведены В.В. Левицким (Левицкий 1969; 1973; 1975; 1980; 1989) и А.П. Журавлёвым (Журавлёв 1974; 1981). Это направление продолжили работы: Кулешова 1984; Комарницкая 1985; Кушнерик 1987; Жерновой, Левицкий 1988; Слоницкая 1989; Шамина 1989; Балаш 1999; Шадрина 2001; Павловская 2004; Пруцких 2009. На сегодняшний день количество таких исследований превысило число 300, и совокупный результат явно свидетельствует в пользу существования универсального звукосимволизма в языках мира.

В области объективного звукосимволизма того же времени хрестоматийной стала статья Отто Есперсена «Звукосимволическое значение гласного *i*» (Jespersen 1933; оригинал – 1922). За ней последовали исследования Э.Л. Торндайка (Thorndike 1945), М. Шастена (Chastaing 1964) и др., уточнившие технику анализа. Полученные значимости различных фонем «взвешивались» и умножались на индекс частотности употребления слов, в которых они встречаются. В результате проявились существенные различия между такими понятийными областями, как «большой» – «малый», «светлый» – «темный», «легкий» – «тяжелый», для многих языков, например, французского, английского, немецкого. Пожалуй, наиболее весомое исследование с применением статистического метода принадлежит В.В. Левицкому (Левицкий 1998; впервые опубликовано на украинском языке в 1979 г.). Украинский ученый статистически проанализировал лексику 59-ти языков и пришел к целому ряду интереснейших выводов.

Огромный вклад в развитие фоносемантической традиции в нашей стране и в мире вообще внес С.В. Воронин своим фундаментальным трудом «Основы фоносемантики» (Воронин 1982). В этой книге он не только подытожил достигнутые за многие столетия результаты, но и научно обосновал основные постулаты самостоятельной лингвистической дисциплины – фоносемантики, предметом которой является звукоизобразительность языка (т.е. звукоподражание и звукосимволизм). Главным тезисом ученого стало

положение о примарной генетической звукоизобразительности языкового знака.

Дальнейшее продолжение идеи С.В. Воронина нашли в работах его учеников и последователей (Братусь 1976; Лапкина 1979; Афанасьев 1984; Мазанаев 1985; Климова 1986; Лихоманова 1986; Юсифов 1986; Койбаева 1987; Сабанадзе 1987; Слоницкая 1987; Вельди 1988; Канакия 1988; Хусаинов 1988; Шамина 1989; Тонкова 1989; Иванова 1990; Пономарева 1991; Ермакова 1993; Кузьмич 1993 и др.).

Если заслугой С.В. Воронина можно считать открытие универсальности принципа звукоизобразительности в происхождении и функционировании языков, то А.Б. Михалёв, проанализировав фронтально лексическую семантику 5 языков различной степени родства (Михалёв 1995) и расширяя перечень языкового материала (Михалёв 1999; 2006; 2007а; 2008а; 2008б), сформулировал принцип структурирования лексики с формальной и семантической стороны. Основная мысль, заложенная в его «Теории фоносемантического поля», заключается в том, что подражательные и символические возможности речевых звуков создают ядро фоносемантической системы, которое затем разрастается через семантические переходы в микрополя. Формальной единицей фоносемантического поля, согласно выдвинутой А.Б. Михалёвым теории, является фонемотип, т.е. не сама фонема а некоторое множество фонем, объединенных общим дифференциальным признаком. Мысль об определенных символических свойствах типов звуков ранее была высказана В.В. Левицким (1979) и С.В. Ворнинным (1982). Со своей стороны, А.Б. Михалёв строит модель фоносемантического поля, предполагающую генетически первичное звукоизобразительное ядро и его периферийное расширение в виде семантических микрополей. Совокупность этих взаимосвязанных полей с ядром (или ядрами) в центре ученый называет позже (Михалёв 2007б) «семантическим пространством».

Свое подтверждение и развитие концепция фоносемантического поля получила в диссертационных исследованиях Ж.М. Тамбиевой (Тамбиева 2003), М.Д. Зимовой (Зимова 2005), М.Э. Даниловой (Данилова 2007). В работе Ж.М. Тамбиевой (Тамбиева 2003) исследуются фоносемантические свойства начальных гуттуральных согласных в абазинском, английском и русском языках. Выявлены общие закономерности, среди которых, в частности, главной является символизация этим фонемотипом речевой, голосовой деятельности, а также различных видов ротовой деятельности, что обобщенно

называется «буккальной деятельностью» (вслед за термином, введенным А.Б. Михалёвым). Эта семантическая область оценивается как ядерная, звукоизобразительная, вследствие артикуляционно-символического свойства гуттуральных звуков. Кроме того, отмечены как общие, так и индивидуальные направления семантического развития от ядерной зоны.

Кандидатская диссертация М.Д. Зимовой (Зимова 2005) посвящена масштабному сравнению звукоизобразительных свойств начальных согласных в немецком и новогреческом языках. Выводы работы не только определяют сходные и различные звукоизобразительные тенденции между двумя языками, но и практически восстанавливают всю системную семантическую картину организации лексики в немецком и новогреческом языках. Кроме того, очень важным результатом исследования оказалось выявление всех базовых гиперсем, служащих фундаментом для построения целостной лексико-семантической системы языков. Список гиперсем представлен следующими: 1) ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ; 2) БУККАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; 3) ОКРУГЛОЕ; 4) РЕЗАТЬ; 5) ОСТРОЕ; 6) БИТЬ; 7) БОЛЬШОЕ; 8) ВЫХОДИТЬ; 9) РАСТИ; 10) СТУПАТЬ/СТАВИТЬ; 11) СЖИМАТЬ; 12) БЛЕСТЕТЬ/СВЕТЛОЕ; 13) ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ; 14) ПЛОСКОЕ; 15) КОЛЕБАНИЕ; 16) МЯГКОЕ/ГЛАДКОЕ; 17) МАЛОЕ; 18) ВРАЩАТЬ; 19) ТЯНУТЬ; 20) РАССЕИВАТЬ; 21) ТВЕРДОЕ. В нашем исследовании обнаружили почти все перечисленные семантические поля, однако, по нашему мнению, количество собственно ядерных полей несколько меньше.

М.Э. Данилова (2007) сосредоточила свой интерес на конечных звукосочетаниях (рифмах) английской лексики. Согласно результатам исследования, семантически рифмы «ведут себя» так же, как и начальные согласные: они образуют лексико-семантические поля на основе общих гиперсем; характер гиперсем зависит от звукоизобразительных свойств звуков, составляющих рифму; семантическая система рифмы организована взаимосвязанными полями; в числе доминирующих гиперсем выступают РЕЗАТЬ, БИТЬ, ТЯНУТЬ, ОКРУГЛОЕ/ОБЪЕМНОЕ, СЖИМАТЬ; среди менее распространенных гиперсем – КОЛЕБАНИЕ, БУККАЛЬНАЯ/РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ, МАЛОЕ/МЕЛКОЕ, ГНУТЬ.

Подобные семантические тенденции как начальных, так и конечных составляющих лексики, навели А.Б. Михалёва на мысль о семантических прототипах, древнейших истоках языковой семантики. Эта мысль развивается в работах: (Михалёв 2007б; 2008а; 2008б;

2009а; 2009б). Согласно этой идее вся семантическая система языка вырастает из довольно ограниченного числа прототипов, первичных значений, связанных с подражанием звучащей действительности (звукоподражание) и с основными видами человеческой деятельности. Еще в «Теории фоносемантического поля» (Михалёв 1995) выделены буквальная и мануальная сферы звукоизобразительной референции. Под буквальной деятельностью понимаются действия, производимые языком, губами, зубами, глоткой, например, «глотать», «кусать», «грызть», «пить», «есть», «дышать» и т.д. Под мануальной деятельностью подразумеваются действия, производимые руками: «бить», «резать», «рвать», «разбивать», «рыть», «мять», «сжимать», «гнуть», «тащить», «хватать» и т.д. Исследование фоносемантических процессов в различных языках выявили очевидные взаимосвязи между многими этими значениями, что позволяет свести их к инвариантным гиперсемам (родовым семам), таким как процессы СЖИМАТЬ, БИТЬ, РЕЗАТЬ, ТЯНУТЬ и признаки ОСТРОЕ, ОКРУГЛОЕ, ТВЕРДОЕ, МЯГКОЕ, ГЛАДКОЕ, ШЕРОХОВАТОЕ. Эти гиперсеммы и являются, по мнению А.Б. Михалёва, семантическими прототипами языков в генетическом отношении. На их генетическую первичность указывают как данные этимологических словарей, так и специальные работы, посвященные этой теме, например (Папка 2002; Левина 2007).

За период 90-х – начала 2000-х годов в отечественном языкознании появился ряд работ, посвященных различным аспектам фоносемантики: межъязыковому (Абдуллаева 1990; Камбаров 1990), лексико-семантическому (Бурская 1990), глоттогенетическому (Каражаев 1990), функционально-семантическому (Алиева 1997), поэтическому (Сомова 1991; Красовская 1998), эмотивному (Романов 1998), стилистическому (Степанова 1998; Старцева 1999; Фадеева 2004), текстологическому (Шулепова 1991), описательному (Санжаров 1996).

Наиболее яркими работами, посвященными фоносемантической проблематике и опубликованными в последнее время, являются докторские диссертации и монографии С.С. Шляховой (Шляхова 2005; 2006) и Л.П. Прокофьевой (Прокофьева 2007; 2009). С.С. Шляхова рассматривает фоносемантическую систему русского языка, которую она называет системой «фоносемантических маргиналий» («ФМ-системой»). В звукоподражательную подсистему, детально изученную Ворониным, С.С. Шляхова вводит также ФМ говорения, подзывные и отгоняющие слова. Этимологический анализ ФМ-системы русского языка показал, что все акустические ФМ относятся к индоевропейскому лексическому фонду, что говорит об их

древнейшей природе. Примечательно то, что все акустические ФМ развивают огромное количество значений в звукосимволической сфере языка. Особенно полезной, в свете нашего исследования, представляется часть работы С.С. Шляховой, посвященная звукосимволической подсистеме фоносемантических маргиналий. Автор исходит из убеждения, что звукосимволическое значение является результатом семантического эволюционирования звукоподражательного значения. При этом траектория развития ЗС-значений от ЗП-значений в целом повторяется.

Исследование Л.П. Прокофьевой (2007), посвященное звукоцветовой ассоциативности, соотносится, с одной стороны, с проблематикой «Языковая картина мира», с другой – с фоносемантикой. Особое место в работе занимает рассмотрение психофизиологического феномена синестезии, что является одним из ключевых моментов и для нашего исследования: различные направления семантического развития звукоизобразительного значения можно обосновать только через нейропсихологическую способность человека к со-ощущениям.

Последняя по времени работа, вновь поднимающая фоносемантическую проблематику, принадлежит В.В. Левицкому (2009). Это обновленная версия книги, изданной в 1998 году, «Звуковой символизм. Основные итоги» (Левицкий 1998). В.В. Левицкий ставит своей задачей максимально объективировать то, что, по его мнению, выводится большинством исследователей субъективно и основывается на сугубо личных умозрительных предпочтениях. Статистическая методика В.В.Левицкого (использование квантитативного критерия χ^2 и коэффициента сопряженности) привела ученого к выводу о том, что сравнительный анализ символических свойств фонетических систем различных языков окажется более эффективным не на уровне фонем, а на уровне фонетических признаков. Отдельное внимание в своей книге автор уделил вопросу о соотношении субъективного и объективного звукосимволизма. Имея результаты исследования словарного и звукового состава различных языков, а также выводы о символических свойствах звуковых признаков **Ошибка! Источник ссылки не найден.**, ученый провел психолингвистический эксперимент с помощью методик «семантического дифференциала» и «подбора» на материале 20-ти языков по 10-ти шкалам: размер, сила, твердость, температура, свет, оценка, активность, форма, гладкость, влажность. Итоги эксперимента позволили В.В.Левицкому утверждать, что корреляция между субъективным и объективным звукосимволизмом

существует только для ограниченного числа шкал. По степени звуко-символической активности шкалы располагаются следующим образом: *гладкость, форма, активность, твердость, влажность, размер, свет, температура, оценка, сила*. Обращаясь к проблеме жизнеспособности звуко-символизма в эволюции словарного состава языка, ученый отмечает, что помимо фонетической мотивированности в языке действуют конкурирующие силы морфологической и семантической мотивированности. При этом на современном этапе преимущество принадлежит последней.

Второй раздел первой главы посвящен **проблеме семантических связей и переходов**, поскольку в нашем исследовании при конструировании семантических полей и пространств были необходимы апробированные данные из этой области. Еще в конце XIX века Мишель Бреаль, введя в лингвистику новый термин «семантика» (Bréal 1883; 1897), выделил среди задач этой новой дисциплины главную: изучение законов, которые управляют изменением значений. Более чем полвека спустя Стефан Ульманн (1970) С. Ульманн анализирует универсалии в исторической семантике, т.е. общие для всех или многих языков тенденции семантического развития. К таким универсалиям он относит антропоморфизм, развитие от конкретного к абстрактному, синестетический перенос, расширение и сужение значения.

Изучение семантической эволюции языка проводилось с различных сторон. Наиболее доступные свидетельства семантического развития предоставляет **полисемия**. По мнению А.Б. Михалёва, исследование полисемических связей ведет к выяснению направлений семантических изменений как в одном языке, так и во всех языках, что позволяет формулировать семантические законы. От многозначной семантической структуры отдельного слова А.Б. Михалёв предлагает обратиться ко всей системе значений, связанных с определенной семемой. Эта система выявляется посредством «сплошного сканирования» словаря и извлечения всех полисемических цепочек, в которых встречается искомое значение. Зафиксированные связи этого значения с другими автор называет поливалентностью значения, а всю совокупность связанных значений – его семантическим гнездом. Так, например, он находит около 200 семантических валентностей у значения «бить» в русском языке и сравнивает их с валентностями старофранцузского и китайского языков. В результате обнаруживается большинство случаев сходства между языками, хотя отмечены и сравнительные специфические особенности семантических гнезд для каждого из этих языков. Сравнивая полученные результаты с

аналогичными этимологическими выводами М.М. Маковского, ученый заключает о надежности подобного метода исследования семантических переходов.

Рассматривая омонимию как один из путей расширения полисемии, А.Б. Михалёв полагает, что она так же способна быть материалом для исследования семантических изменений. Помимо случайных совпадений форм различного происхождения, источником омонимии, по мнению автора, могут являться и различные аспекты звукоизобразительной семантики одних и тех же звуков, когда различные комбинации различных звукоизобразительных аспектов дают совершенно отдаленные друг от друга значения.

Говоря о сходстве и смежности как об основных ассоциативных механизмах познания и, соответственно, полисемии, А.Б. Михалёв категоризирует основные типы семантических переходов. Так, он выделяет следующие виды сходства: объектное (сходство между объектами), качественное (сходство между собственно признаками), процессуальное (сходство между процессами), пространственно-временное отождествление, градуальное (сходство по степени интенсивности), оценочный перенос. Указанные виды сходства имеют в качестве своих оснований следующие архипризнаки: «изменение состояния», «направленность», «форму», «реляционность», «материал», «размер», «частичность», «функцию», «оценочность».

Рассматривая смежность как еще одно важное основание ассоциирования, а, следовательно, семантического развития, А.Б. Михалёв выделяет объектную и процессуальную смежность. На примерах различных полисемических цепочек автор демонстрирует определенные подвиды этих двух типов смежности. В области объектной смежности усматриваются отношения «признак-объект», «субъект (объект)-функция», «субъект-контактирующий объект», «часть-целое». Процессуальная смежность, где процессы рассматриваются как целое, включающее в качестве части признаки и функции, представлена следующими подвидами: «процесс – признак», «процесс – результат», «процесс – цель», «процесс – условия процесса».

Примером *этимологического подхода* к проблеме семантических переходов может служить работа М.М. Маковского «Лингвистическая комбинаторика» (Маковский 1988). Ученый характеризует лексику и семантику не в виде отдельных словоформ и значений, а в виде лексико-семантических континуумов, представляя их как фономорфологические и семантические спектры. Обе стороны – формальная и содержательная – находятся в диалектическом единстве.

Привлекательной для нашей темы исследования представляется и точка зрения М.М. Маковского о произвольной связи формы слова и значения. Результаты его этимологических изысканий оказались полезными для обоснования связей в семантических пространствах лексики с начальными спирантами, в частности, в особо трудных случаях, когда тот или иной переход необъясним с позиции «здравого смысла». Напр.: «резать», «бить» (ученый характеризует их как синкретичное единство): > «кожа», «тело», «прятать»; «жертвенное животное», «кастрированное животное»; «жидкость», «вода», «гореть», «светить»; «быстро двигаться» (> «играть», «шутить»), «одежда», «менять», «цвет», «комок, шар», «издавать звуки».

Фоносемантическая интерпретация семантических связей и переходов дается в «Теории фоносемантического поля» А.Б. Михалёва (1995). Источниками семантической эволюции, по мнению ученого, выступают значения из трех областей: мануальной (действия, производимые рукой), буккальной (действия, производимые ртом) и звукоподражания. От этих первичных значений в результате семантических переходов происходит расширение лексико-семантической системы языков. Сравнивая фоносемантические поля русского, английского, французского и арабского языков, А.Б. Михалёв обнаруживает, наряду с индивидуальными, общие для всех языков семантические переходы, которые он сформулировал как «канонические модели». Автор замечает, что почти всегда звукоизобразительные значения «Бить», «Толкать» соседствуют со значениями «Кусок», «Часть», «Малый», «Мелкий», «Ничтожный», что логично объясняется как переход от самого процесса к результату (отношение смежности). Аналогичное обоснование могут получить и переходы к значениям «Опустошать», «Поражать», «Бедствие», «Прекращать», «Конец», а также к оценочному «Портить». Наблюдения, полученные в ходе исследования этих языков, подтверждены и дополнены более частными выводами в статьях (Михалёв 1999; 2006; 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2009а; 2009б).

Семантическая эволюция может рассматриваться и в **социально-прагматическом ракурсе**. Так, Н.В. Папка исследует эволюцию древнейшего значения «Брать/Давать» в немецком и английском языках, начиная с индоевропейского периода (Папка 2002; 2009). Автор описывает развитие данного значения в свете социально-прагматических изменений, наблюдаемых на различных этапах истории языков: древнем, среднем и новом. И хотя ее работа не рассматривает фоносемантическую сторону языков, результаты исследования во многом совпадают с направлениями семантических

изменений, обнаруженными с фоносемантических позиций А.Б. Михалёвым. Среди регулярных семантических переходов в обоих языках автор выделяет такие, как «братъ» > «жениться»; «братъ» > «арестовывать»; «братъ» > «разрушать»; «братъ» > «управлять»; «братъ» > «польза, выгода»; «воровать» > «приятный»; «давать» > «жертва»; «давать» > «рождение» > «освобождение»; «давать» > «обнародовать»; «держать» > «носить» > «продавать»; «скручиваться» > «отнимать» > «запоминать»; «выдавать замуж/женить» > «дарить».

В одной из своих недавних монографий – «Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского языка» (Левицкий 2008) – В.В. Левицкий попытался дополнить этимологические данные *статистическими исследованиями*. Основная идея ученого (как и в работах А.Б. Михалёва) заключается в том, что семантические компоненты, наблюдаемые в толковании корней с одинаковым начальным согласным, совпадают с набором значений полностью идентичных («омонимичных») по своему составу корней. В.В.Левицкому удалось с помощью специального статистического метода – корреляционного анализа – обнаружить такие связи, которые претендуют на статус семантических законов. Так, например, доказан синкретизм значений «резать/связывать/гнуть», являющихся наиболее рекуррентными в словаре. Гиперсема [движение], объединяющая в статистическом эксперименте три значения – «вибрировать», «совершать снующие движения», «скакать, трястись, быстро двигаться» – оказывается связанной как со значением «гнуть», так и со всеми тремя синкретичными гиперсемами: «резать/связывать/гнуть». Значение «звук», согласно результатам этимологического анализа, относится к дериватам гиперсемы [движение], в то время как количественный анализ указал на его связь также с гиперсемами [разъединять], [соединять], [гнуть]. Кроме того, гиперсема [звук] связана сильными и сверхсильными связями с гиперсемами [цвет] и [блестеть]. Такое богатое количество связей дает ученому основание для предположения ядерного статуса этого значения в семантической системе ие. языка. Во многом семантические связи и переходы, установленные в нашем исследовании, согласуются с результатами, полученными посредством комплексной методики В.В. Левицкого.

Во второй главе диссертации «Фоносемантическое исследование лексики с начальными спирантами в чеченском, русском и немецком языках» дается подробный семантический анализ корпусов лексики с каждой из присутствующих в этих языках разновидности звукотипа «спирант» в начальной позиции. Композиционно глава состоит из 4-х разделов: первые три представляют фоносемантический анализ

материала указанных языков; четвертый содержит сравнительно-сопоставительные межъязыковые выводы. Глава завершается обобщающими выводами.

В качестве примера фоносемантического анализа можно привести небольшой корпус лексики чеченского языка с начальным спирантом /з/ (3-лексика).

Зубная звонкая /з/ образует корпус из 47 базовых (непроизводных) лексем. Анализ словарных значений в этом корпусе позволил выделить 4 семантических поля, условно названных РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ, СЖИМАТЬ, ОКРУГЛОЕ и ЗВУК (звукоподражание).

К классу **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ**, очевидно, относятся слова: зу «ёж», *зуга* «оса», *зугалг* «сучок, побег», *злок* «1) клюв; 2) куро́к». Их объединяет признак «острый». Лексема *зорьза* «потёртый, рваный» свидетельствует о семантической связи «резать» – «рвать». Еще одним видом расширения значения «резать» выступает «вред, ущерб». Эта гиперсема проявляется в таких словах, как *зулам* «зло, вред; повреждение», *зен*² «1) вред, ущерб; 2) убыток, потеря», *заьIапан* «1) увечный, искалеченный; 2) чахлый, хилый, болезненный; 3) дряхлый», *зёдала* «подвергаться испытанию».

Изучая возможности семантических переходов в индоевропейских языках, М.М. Маковский (1988: 77) заметил, что синкретичные значения «бить/резать» могут развиваться в значения «женщина» и «рожать». В списке 3-лексики чеченского языка находим слова *зуд* «сука» и *зуда* «женщина; дама; жена, супруга», подтверждающие наблюдения ученого.

Значение «острое» в переосмысленном виде также проявляется в словах *забар* «шутка, насмешка» и *забб̄ари* «1) щеголь, франт; 2) кривляка». Кроме того «острое»/«резать» может получить семантическое развитие в значение «малое»: в корпусе чеченской 3-лексики примерами такого развития могут стать слова *зингат* «муравей» и *зирх* «яйца (насекомых); икра (лягушек и рыб)».

Таким образом, семантическое поле РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ состоит из ядерной и периферийной зоны. К ядерной относятся слова, в явном виде близкие титульной семантике, а к периферийной – производные от ядерной зоны значения и гиперсемы. В данном случае это такие значения, как «рвать», «вред, ущерб», «рожать/женщина», «малое». Общий объем слов поля РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ в корпусе 3-лексики составил 16 (34%).

Следующее место по объему в 3-лексике занимает семантическое поле, которое мы условно называем **СЖИМАТЬ** (32%). Здесь нет

слов, явно указывающих на это значение, однако более пристальный семантический и денотативный анализ позволяют выявить определенные связи между значениями 3-слов, образующими фоносемантическую подсистему. Так, например, наиболее близкими значению «сжимать» являются *зийза* «испытывать судороги», *зорба* «печать, пресса» и *зайнар* «название травы (из которой делают чернила)». В первом случае это сокращение (сжатие) мышц, во втором – действие «давить», в третьем – действие «выжимать, выдавливать». Так же, как в русском словообразовании префиксальные производные *сжимать*, *выжимать*, *зажимать*, *прижимать*, *отжимать* и т.п. проявляют различные вариации одного понятия, сосредоточенного в корне, лексика, объединенная одинаковым начальным согласным, способна выражать различные аспекты действия или качества.

Одним из таких аспектов для действия «сжимать» является «брать» или «давать». На ранних ступенях эволюции языка эти два значения находились в синкретичном единстве (см.: Гамкрелидзе, Иванов 1984: 753). В чеченской 3-лексике примерами слов, реализующих значение БРАТЬ/ДАВАТЬ, являются *закъалт* «задаток» и *загла* «приношение, подарок».

Другим аспектом действия «сжимать» может быть ДЕРЖАТЬ, способное к дальнейшему переосмыслению: *зени* «1) намерение, замысел; порыв, пробуждение» («*держатъ в уме*»), *зен*¹ «следить, наблюдать, испытать» («*держатъ в поле зрения*»), *зер* «наблюдение, испытание» («*держатъ в поле зрения*»).

Расширение значения «сжимать» ведет к значению СВЯЗЫВАТЬ или СОЕДИНЯТЬ: *злѣ* «1) цепь, цепочка; 2) связь», *злѣра* «плетеные ворота, плетень», *зѣнар* «1) мед. шина, лубок; 2) короткий брусочек, служащий опорой», *зайл* «задвигка, засов; щеколда, крючок», *зѣхал* «сват, сваха», *замѣ* «поезданин (на свадьбе)». Лексема *зѣрталла* «плотность, мощность» свидетельствует еще об одном расширении: «сжимать» > «плотный».

Таким образом, семантическое поле СЖИМАТЬ включает в себя микрополя БРАТЬ/ДАВАТЬ, ДЕРЖАТЬ, СВЯЗЫВАТЬ/СОЕДИНЯТЬ и ПЛОТНОЕ.

Третье по величине семантическое поле можно условно назвать **ОКРУГЛОЕ** (28%). В отличие от двух предыдущих, в нем отчетливо просматривается ядро, представленное следующими словами: *зѣзга* «сковородка», *зайла* «сковородка», *зѣлзла* «сковородка», *зока* «кружка, чашка», *заза* «цвет (распускающего дерева)», *зѣзаг* «цветок», *зорх* «желудок», *злѣйдиг* «бот. зародыш». Остальные слова соотносятся со значением «округлое» как результат его семантического развития. Так, например, значение лексемы *зѣлабуц* «вид выщегося растения с

красными цветами» может быть интерпретировано через сему «обвиваться, окружать» или «вертеть». Последняя, вероятно, является мотивирующим признаком для слова *зама* «время» (ср. этимологию русского слова *время* < «вертеть» (Фасмер I: 361)).

Одним из аспектов «округлого» представляется признак «гладкое» (*заьнгала* «глянцевый, полированный») и близкий ему признак «мягкое» (*зип* «уст. шерстяная ткань»). Переосмысление этих признаков ведет к оценочному аспекту – «приятное» (*зовкх* «удовольствие, блаженство, наслаждение»).

Таким образом, семантическое поле ОКРУГЛОЕ 3-лексики складывается из собственно ядра и его семантических расширений: ОКРУЖАТЬ, ВЕРТЕТЬ, ГЛАДКОЕ, МЯГКОЕ, ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА.

Что касается самого поля ОКРУГЛОЕ, то, по нашему мнению, оно является вторичным по отношению к полю СЖИМАТЬ. Если исходить из принципа первичной генетической звукоизобразительности С.В. Воронина, то признак «сжимать» может быть изображен артикуляцией звука [з], тогда как «округлое», скорее, передается через губную или горловую артикуляции. Предположение о производности поля ОКРУГЛОЕ от поля СЖИМАТЬ имеет в таком случае больше оснований: округлая форма сжатого кулака.

Семантическое поле РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ, по всей вероятности, так же, как и СЖИМАТЬ, является первичным, звукоизобразительным по звукоподражательному основанию: звучание [з] напоминает режущий звук.

Среди 3-лексики чеченского языка встречены два слова-звукоподражания: *зов* «звон, лязг, бряцание», *зевнѣ* «звонкий» (ср. аналогичное явление в русском языке: *звон, звать, звук* и т.д.). Лексема *зуз* «1) зуд; 2) дрожь», несомненно, звукоподобно, подражая незвучащим свойствам денотата, а именно дрожанию (ср. удивительное сходство с русскими *зуд, зудеть*).

Схема семантического пространства 3-лексики:

Аналогичным образом анализируются и остальные корпуса лексики с начальными спирантами с-, в-, ж-, ш-, гІ-, х-, хь-, хІ-. Обобщение полученных результатов материала *чеченского языка* позволило прийти к следующим выводам:

1. Наиболее приоритетными семантическими полями, реализуемыми чеченскими спирантами оказываются: **СЖИМАТЬ** (средний удельный вес – 19.66%), **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** (19.39%) и **ОКРУГЛОЕ** (14.55%).

2. Среди всех спирантов чеченского языка наибольший процент в реализации макрополя **СЖИМАТЬ** принадлежит звуку [с] (34%). Этот звук образует и наибольшее количество лексем, по сравнению с остальными (102 ЛЕ). На втором месте располагается [хь] (99 ЛЕ), на третьем – [х] (94 ЛЕ), на четвертом – [гІ] (90 ЛЕ). Остальные звуки значительно уступают им в объеме лексических корпусов.

3. Семантическое поле **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** наиболее ярко в процентном отношении проявляется у звука [з] (34%). Далее, с небольшим отставанием располагаются звуки: [ш] (33%), [ж] (32%), [х] (31%).

4. Приоритет в реализации поля **ОКРУГЛОЕ** так же оказывается у [з] (28%). Далее следуют: [хь] (21%), [ш] (19%), [гІ] (18%).

5. Что касается остальных семантических полей, то отмечена исключительная активность звука [ж] в образовании поля МНОЖЕСТВО (34%), производного от макрополей **РЕЗАТЬ** и **БИТЬ**. Спирант [в] оказывается исключительным по продуктивности в области поля СОЕДИНЯТЬ (24%), производного от **СЖИМАТЬ**. Семантическое поле ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ в наибольшей мере характерно для звука [ш] (17%). Ему же принадлежит исключительный приоритет в образовании микрополя ГЛАДКОЕ (17%).

6. Для звуков [ж] и [ш] не отмечена корреляция с полем **СЖИМАТЬ**, для звуков [хІ] и [гІ] – с полем **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ**, для звуков [в] и [ж] – с полем **ОКРУГЛОЕ**.

Проведенное по аналогичной схеме исследование лексики *русского языка* с начальными спирантами в-, ф-, з-, с-, ж-, ш-, щ-, х- показало следующую картину:

1. Наиболее репрезентативными семантическими полями, реализуемыми спирантами, оказались: **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** (средний показатель – 13.75% + 10.62% = 24.37%) **СЖИМАТЬ** (17.75%), **ОКРУГЛОЕ** (15.5%), **ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ** (15.12%).

2. Наивысший показатель корреляции с макрополем **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** принадлежит звуку [с] (41%), с макрополем **ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ, ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ** – звуку [ш] (38%), с макрополем **СЖИМАТЬ** – звукам [ж] (36%), [с] (29%), [х] (29%), с макрополем **ОКРУГЛОЕ** – звукам [з] (29%), [в] (28%), [ш] (27%), [ж] (26%).

3. Среди наиболее высоких корреляций звуков с микрополями выделяются [в] в связи с полем **ВЕРТЕТЬ** (25%), [ш] – с полем **КОЛЕБАНИЕ** (27%), [х] – с полем **ТОНКОЕ** (20%).

4. Показательно и отсутствие корреляции отдельных спирантов с отдельными семантическими полями: [ф], [ш] – с полем **СЖИМАТЬ**, [ш'] – с полем **ОКРУГЛОЕ**, [ф] – с полем **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ**.

Исследование материала *немецкого языка* – лексики с начальными спирантами /v/, /f/, /z/, /š/, /h/ – привело к следующим выводам:

1. Наиболее значительными по объему семантическими полями оказываются: **СЖИМАТЬ** (средний показатель – 21.0%), **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** (20.71%), **БИТЬ** (13.57%). Семантическое поле **КОЛЕБАНИЕ**, являющееся, скорее всего, производным от макрополя **БИТЬ** либо **ВЕРТЕТЬ**, достигает 9.86% за счет доли W- и F-лексики (соответственно, 24% и 30%).

2. Наивысших величин в корреляции с семантическим полем **СЖИМАТЬ** достигают звуки: [h] (39%), [z] (37%), [f] (30%).

3. Семантическое поле **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** преимущественно соотносится со звуком [š] (33%) и фонестемами st- (35%) и sp- (30%) (начальный согласный произносится как [š]).

4. Самый высокий показатель корреляции с семантическим полем **БИТЬ** принадлежит st- (38%). Возможно, в данном случае сказывается звукоизобразительное влияние звука [t].

Исключительно продуктивным в образовании поля **ВЕРТЕТЬ** оказывается звук [v], или W-лексика (26%).

Сопоставление результатов, полученных в каждом из языков, позволило сформулировать ряд выводов по разным основаниям.

По обобщенному звукотипу «спиранты»

1. Среди трех выбранных языков чеченский язык обладает наиболее разнообразной системой спирантов (10). Второе место по количеству спирантов занимает русский язык (7, не считая палатальных коррелятов). В фонетической системе немецкого языка имеется только 5 спирантов.

2. Однако, несмотря на свою малочисленность, немецкие спиранты образуют наибольший среди остальных двух языков объем лексики (847 ЛЕ). На втором месте по объему лексики располагается чеченский язык (613 ЛЕ). В русском языке количество базовых лексем с начальными спирантами – 506.

3. Обнаружились явные общие закономерности в семантической реализации начальных спирантов для трех языков. Так, наиболее репрезентативными семантическими полями (т.е. с существенно более высоким средним показателем фоносемантической корреляции, по сравнению с другими обнаруженными полями) оказались **СЖИМАТЬ** и **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ**. При этом наибольший удельный вес поля **СЖИМАТЬ** зафиксирован у спирантов немецкого языка (21.0%). С небольшим отставанием от него находятся чеченские спиранты (19.66%). В русском языке спиранты реализуют данное поле в объеме 17.75% от всех проявившихся полей. Однако в области поля **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** русские спиранты опережают другие языки, обладая показателем удельного веса 24.37%. На втором месте по этому показателю располагается немецкий язык (20.71%), далее чеченский (19.39%).

4. В двух языках – русском и чеченском – обнаружены близкие репрезентативные показатели удельного веса семантического поля **ОКРУГЛОЕ** (в русском – 15.5%, в чеченском – 14.55%), являющегося, предположительно, производным от поля **СЖИМАТЬ**.

5. К характерологическим особенностям рассматриваемых языков можно отнести, например, высокий удельный вес поля **ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ** у русских спирантов и поля **БИТЬ** у немецких.

По конкретным звукам

1. Наиболее активным по продуктивности лексем в чеченском и русском языке оказался спирант [с] (в чеченском – 102 ЛЕ, в русском – 162 ЛЕ). В немецком языке этот наивысший показатель принадлежит звуку [š] (293 ЛЕ). Если к этому числу SCH-лексики прибавить объем ST- и SP-лексики (где начальный согласный произносится как [š]), то показатель достигнет 434 ЛЕ (т.е. почти 50% от общего объема лексики с начальными спирантами!).

2. С точки зрения специализации отдельных звуков по перечисленным семантическим полям, можно заметить, что поле **СЖИМАТЬ** в большей степени реализуется звуком [с] в чеченском и русском языках. В немецком языке предпочтение отдается звукам [h], [z], [f]. Наивысшая корреляция с полем **РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ** замечена в чеченском языке у звуков [з], [ш], [ж], [x], в русском – [с], в немецком

– [š].

3. Интересное сходство в чеченском и русском языке отмечено у спиранта [з], активно участвующего в образовании поля **ОКРУГЛОЕ**. В несколько меньшей степени, но так же репрезентативно в обоих языках коррелирует с этим полем звук [ш].

4. Как в чеченском, так и в русском языке семантическое поле **ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ/ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЕ** реализуется в наибольшей мере звуком [ш].

5. Семантическое поле **БИТЬ**, выделяющее фоносемантическую систему спирантов немецкого языка в сравнении с остальными языками, в наибольшей степени обязано звукосочетанию ST- (возможно, благодаря звукоизобразительным свойствам второго согласного [t]).

По семантическим связям

1. Семантические пространства различных спирантов в трех рассмотренных языках проявляют довольно *сходные тенденции*:

1) Поле **ОКРУГЛОЕ** обычно предполагает существование поля **СЖИМАТЬ**.

2) В ряде случаев наряду с макрополем **СЖИМАТЬ** во всех языках можно наблюдать присутствие групп слов с макросемами **ВМЕСТИЛИЩЕ, ПОКРЫВАТЬ, ОКРУЖАТЬ, СОЕДИНЯТЬ**.

3) В тех семантических пространствах, где встречается микрополе **ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА (ПРИЯТНОЕ)**, обязательно присутствует семантическое поле **ОКРУГЛОЕ**, которое, по нашему мнению, является для него производящей основой.

4) Поле **ТЯНУТЬ** в большинстве случаев соседствует с полем **РЕЗАТЬ/БИТЬ**, т.к. вероятнее всего является его производным.

5) Семантическое поле **РЕЗАТЬ/БИТЬ** чаще всего сопровождается наличием микрополей **ТОНКОЕ/ДЛИННОЕ, ЛИНИЯ/ЧЕРТА, ВРЕДИТЬ/ПОРТИТЬ, ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА**.

6) Среди тех или иных спирантов в трех языках встречена корреляция с полями **СИЯТЬ, РАСПРОСТРАНЯТЬ** (хотя и с невысокими показателями). Предполагаем, что эта связь имеет самостоятельное звукоизобразительное происхождение, учитывая артикуляционно-символические возможности звуков данного типа.

2. Вместе с тем, как и следует ожидать, заметны *алломорфные черты* в каждом из трех языков:

1) В немецком языке, в случае со спирантом [v] (W-лексика), поле **ОКРУГЛОЕ**, вероятнее всего, имеет самостоятельный звукоизобразительный статус вместе с полем **ВЕРТЕТЬ** (признаков поля **СЖИМАТЬ** не обнаружено).

2) В чеченском и русском языках поле ОКРУГЛОЕ порождает микрополе ОБЪЕМНОЕ/БОЛЬШОЕ. В немецком языке такой переход не обнаружен.

3) В чеченском языке в семантическом пространстве Ш-лексики обнаружен семантический переход РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ > ДВА и ЖИДКОСТЬ.

4) В немецком языке заметна связь между макрополем ОСТРОЕ и микрополем ГОРЯЧЕЕ.

5) В русском и немецком языках отмечена явная корреляция между макрополями БИТЬ и РЕЗАТЬ, с одной стороны, и микрополем СТАВИТЬ, с другой.

6) В русском языке в корпусе С-лексики отчетливо выделяется поле К СЕБЕ, являющееся, скорее всего, производным от макрополя СЖИМАТЬ.

3. Объединив результаты, полученные в ходе фоносемантического исследования начальных спирантов в чеченском, русском и немецком языках, можно представить следующие тенденции *семантических связей и переходов*:

1) СЖИМАТЬ > давить, хватать, брать/давать, держать, иметь, связывать, соединять, собирать, гнуть, терпеть, останавливать, нарушать, прекращать, закрывать, прилипать, заморозить, тянуть, к себе, нуждаться, делать, прикреплять, висеть, ждаться, бороться, плотное, густое, отрицательная оценка, липкое, слабый, вместилище, близкое.

2) ОКРУГЛОЕ > окружать, вертеть, охранять, покрывать (> верх, высокое), вместилище, гладкое, скользкое, жирное, мягкое, положительная оценка, объемное, большое, тяжелое, широкое, полное, изобилие.

3) РЕЗАТЬ/ОСТРОЕ > разделять, отделять, часть, два, множество, окружать, тянуть, линия, писать, вредить, портить (> грязное, темное), втыкать, ставить, быстрое, резкое, грубое, сильное, горячее, тонкое, малое, жидкость, крутое, косое.

4) ТЯНУТЬ > течь, перемещать, длинное, долгое, тонкое, узкое, линия, черта.

5) СИЯТЬ/РАСПРОСТРАНЯТЬ > сыпать, сеять, светлое, зрение, веселый, слава.

6) БИТЬ > разрушать, отрицательная оценка, колебание, дрожать, множество, ставить (> вертикальное), твердое.

ВЕРТЕТЬ > колебание, перемещение.

Заключение

Данное исследование, охватившее материал трех языков различной степени родства (русский и немецкий языки относятся к разным группам индоевропейской семьи, а чеченский язык – к нахско-дагестанской группе кавказских языков), убедительно, на наш взгляд, показало, что начальные согласные звуки представляют собой генетически первичные смыслообразующие элементы. Общие семантические закономерности, наблюдаемые в этих языках, позволяют предположить либо их единое происхождение (ностратическая гипотеза), либо обусловленность единой человеческой природой. Так или иначе, с глоттогенетической точки зрения, отрицать ведущую роль звукоизобразительности в языке невозможно.

Артикуляционная классификация звуков, выработанная в фонетике, продолжает свою жизнь и в фоносемантике. Не случайно, разнообразные звуки, объединенные общим артикуляционным признаком – щелевые, проявляют в фоносемантическом отношении похожие семиотические тенденции. Едва ли можно полагать, что фоносемантика этого типа звуков кардинальным образом отличается от других типов – смычных, смычно-щелевых, сонорных и т.д. Как свидетельствуют предыдущие исследования, различные звукотипы могут реализовать одни и те же семантические поля. Однако, статистически, это сходство неравноценно, что говорит об определенной семантической спецификации каждого типа звуков. Такая же спецификация свойственна и самим звукам в рамках единого артикуляционного класса, как показано в выводах по каждому из трех языков и в межязыковых обобщениях. Представляется, что больший охват языков и сравнительно-сопоставительные исследования фоносемантики звукотипов смогли бы пролить свет на глобальные (универсальные) звукоизобразительные закономерности.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах и изданиях (по перечню ВАК):

1. *Джукаева, М.А.* Структура семантических пространств чеченских спирантов (лексика с начальными х1-, хь-, в-) [Текст] / М.А. Джукаева // Вестник ПГЛУ. Исследования строя кавказских языков. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – №1. – С. 90-92 (0,6 п.л.).

2. **Джукаева, М.А.** Фоносемантический анализ чеченских спирантов (лексика с начальными З- и С-) [Текст] / М.А. Джукаева // Вестник ПГЛУ. Исследования строя языков Кавказа. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – № 2. – С. 55-57 (0,6 п.л.).

Публикации в других изданиях:

3. **Джукаева, М.А.** Фоносемантическое пространство спирантов в русском языке [Текст] / М.А. Джукаева // Новые идеи в лингвистике XXI века: материалы первой международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А. Хомякова. – Пятигорск, 2009. – Ч. 2. – С. 272-276 (0,6 п.л.).
4. **Джукаева, М.А.** Сравнительно-сопоставительные фоносемантические особенности спирантов немецкого и чеченского языков [Текст] / М.А. Джукаева // Университетские чтения. – Пятигорск, 2010. – Ч. 7. – С. 71-72 (0,1 п.л.).
5. **Джукаева, М.А.** Звукоизобразительные свойства чеченских спирантов (лексика с начальными ж-, ш-, гI-, х-) [Текст] / М.А. Джукаева // Филология. Приложение к научному журналу "Синергетика образования". – М.; Ростов-на-Дону: Юж. отд. РАО, 2010. – № 10. – С. 9-21. (0,9 п.л.).